

и крестьянство. Каждая из этих групп руководствовалась при этом своими особыми классовыми интересами и целями, так что „совместное“ выступление их на защиту великокняжеской политики свидетельствовало не о затухании классовых противоречий в период образования единого Русского государства, а, наоборот, об обострении классовой борьбы: в великом князе каждая группа искала опоры для борьбы со своим классовым противником.

По мере фактического объединения русских земель и связанной с этим политической и классовой борьбы и по мере возвышения Москвы начинает складываться и идеология единого Русского государства. Совершенно определенные ранние проявления ее улавливаются уже в первых общерусских сводах. В XV веке она обнаруживается в ряде литературных произведений разных жанров и в своеобразном „фольклоре“ — в политических легендах об исторических лицах и событиях, которые затем переходят в литературу и оформляются как „сказания“ и „повести“. Исследование одного из таких сказаний — „Сказания о Вавилоне граде“ — и является предметом настоящей статьи.

2

Изучение цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде имеет свою длинную, почти столетнюю, историю. Так, еще в 1854 году Ф. И. Буслаев в своей статье „О русских пословицах и поговорках“, исходя из неправильного понимания слова *об женин*, встретившегося в таком написании в том списке „Сказания о Вавилоне граде“, которым он пользовался, пытался объяснить происхождение этого произведения. Вот что он писал о нем: „Будучи отдельным членом эпического предания, притча заимствовала свое содержание из мифа и сказания. Так, притча об Обрах стоит в прямом отношении как к преданию о великанах, которые между прочим у славян носят название Обра, так и к древнему эпическому рассказу о каком-то Обженине“.¹

Ошибка Ф. И. Буслаева была отмечена в том же году А. Н. Пыпиным. В послесловии к издаваемому им по рукописи Рум. муз. № 374, XVIII в. тексту „Сказания о Вавилоне граде“ А. Н. Пыпин, опираясь на ряд известных ему списков „Сказания“, показал, что слово *об женин* должно читаться как *обежанин*, т. е. человек родом из Обез (из Абхазии), и никак не может быть сопоставляемо с названием народа — обры. Здесь же А. Н. Пыпин сформулировал свое мнение о происхождении „Сказания о Вавилоне граде“, которое он затем почти дословно повторил в своем „Очерке“.² Приводим это мнение А. Н. Пыпина, так как оно послужило исходным пунктом для всех последующих ошибочных попыток истолкования „Сказания“. „... не думаем, — писал А. Н. Пыпин, — чтоб самая сказка была русского происхождения. Неважное место, которое дается здесь русскому началу, достаточно на это указывает, тем более, что главное действующее лицо — греческий император. Как многие другие произведения подобного рода, и эта сказка была, вероятно, занесена к нам из Греции. Имя русина не дает еще права производить сказку из русского

¹ Архив историко-юридических сведений о России, кн. II, пол. 2, отд. IV, 1854, стр. 47—49.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. 1854, стр. 100—101.